

при описании значения конкретной лексики, которое, как писал Г. В. Судаков, часто берется отнюдь не из иллюстраций⁸.

Таким образом, работа над СОРЯ демонстрирует значимость принципов составления исторических словарей, разработанных Б. А. Лариным. Возникающие лексикографические вопросы и проблемы, решение которых не всегда однозначно, свидетельствуют о жизнненности ларинских идей, потому что процесс постановки таких вопросов убедительно доказывает перспективность заданных исходных положений, а поиск решений таких вопросов стимулирует научную мысль, заставляя лексикографов идти вперед.

Примечания

¹ История русской лексикографии. СПб., 2001. С. 344.

² Ларин Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1977. С. 203.

³ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного русского языка» // Вопросы теории и истории языка. СПб., 1993. С. 8.

⁴ Сокращенные обозначения названий памятников используются в соответствии со списком условных сокращений к «Словарю обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.». Вып. 1. СПб., 2004.

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В., Щекин А. С. По следам «вора» // Русская историческая лексикология и лексикография. Межвуз. сб. / Под. ред. О. А. Черепановой. СПб., 2008. С. 187–193.

⁶ Арутюнова Н. Д. Метонимия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 300–301.

⁷ Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 4–27.

⁸ Судаков Г. В. Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всеросс. Акад. школы-семинара. СПб., 2005. С. 129–132

О. В. Васильева

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЕ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ³

Словарь обиходного русского языка Московской Руси реализует идею Б. А. Ларина о словаре русского средневековья. Русский язык XVI–XVII вв. — самого конца донационального периода — привлекал к себе пристальное вни-

³ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

мание Б. А. Ларина на всем протяжении его научной деятельности. Языковая ситуация Московской Руси этого времени характеризовалась наличием двух типов единого литературно-письменного языка, значительно различавшихся между собою в лексике, грамматике и стилистике: церковно-книжного и народно-литературного. Первый был продолжением старославянского языка — древнего литературного языка славян, языка церковных книг, второй сложился в Киевской Руси на основе восточнославянской устной традиции поэтического творчества, осуществления судопроизводства, торговых сделок, дипломатических отношений. Ларинская концепция Словаря обиходного языка Московской Руси состоит в следующем. Необходимо не только выявить в текстах и подробно описать лексику и фразеологию общерусской разговорной речи, формировавшейся в XVI–XVII вв., но и постоянно учитывать при этом взаимовлияние книжного церковнославянского языка и живой разговорной речи, а также жанровое разнообразие памятников письменности, созданных на народно-разговорной основе.

Еще в Проекте Древнерусского словаря 1936 г. Б. А. Ларин писал: «Только в XVII в. на основе диалектов купечества, посадских людей, мелкого служилого дворянства и крестьянства создаются новые типы литературного языка, новые роды письменности. Обследование и разъяснение лексики именно этого периода даст историческое освещение основному составу словаря современного русского языка»¹. Излагая концепцию ДРС, Б. А. Ларин так формулировал первое, важнейшее отличие задуманного словаря от уже существовавших в то время исторических словарей: «Русский язык XV–XVIII веков не представлял единой системы, одного языка, было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов... Главным образом верхушечная, учено-книжная феодальная литература, однородная, бедная по языку, чуждая народным массам, использовалась в исследованиях и в исторических словарях. Первым и важнейшим отличием ДРС и будет расширение этих узких рамок, включение нового рода материалов... Ремесленники, торговцы, низший слой служилых людей — “посадские люди” до XVII в. не имели своей литературы и почти не участвовали в создании памятников письменности. Но в XVII в. они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка, который очень заметно влияет на старый “высокий” тип»². Б. А. Ларин собирался показать в словаре «лексику делового языка, ярко отразившего все основные социальные диалекты феодальной эпохи..., язык посадских, язык крестьян, язык появляющейся в это время городской бедноты»³. Однако словарь, на подготовку которого было затрачено так много времени и сил, не был создан. Работа над ним была прекращена по распоряжению руководства Института языка и мышления, а авторский коллектив расформирован.

В конце 1950-х гг. Б. А. Ларин возвращается к идее создания словаря Московской Руси. В «Заметках о Словаре обиходного языка Московской Руси» он пишет: «Обиходный язык достаточно четко отличается от церковно-славянского. Это язык устного общения и частных деловых документов»⁴. Несколько десятилетий понадобилось ученикам Б. А. Ларина и ученикам его учеников для того, чтобы воссоздать картотеку словаря и приступить к реализации замысла. В соответствии с ларинской концепцией в задачи Словаря обиходного языка Московской Руси

входит функционально-стилистическое описание слов и выражений, характерных для источников различных жанров.

С того времени, когда Б. А. Ларин начал работу над ДРС, прошло более полувека. За это время появились новые исторические словари, которые описывают в том числе и лексику XVI–XVIII вв. Предваряя рассказ о том, как отражается стилистическая дифференциация лексики в Обиходном словаре, посмотрим, как решается этот вопрос в других исторических словарях.

В Словаре И. И. Срезневского, как известно, пометы отсутствуют вовсе. В Словаре XI–XIV вв. большой список помет, однако из стилистических употребляются только те, которые указывают на экспрессивную окрашенность слова (ласкательное, образное, уменьшительное, уничижительное), собственно стилевые пометы отсутствуют. Нет их и в Словаре XI–XVII вв. Зато они есть в Словаре XVIII в., где лексика описывается со всей возможной полнотой. Тщательность представления материала в этом словаре на уровне стилевых помет проявляется, например, в том, что для маркирования церковнославянской лексики используется не одна, а целых три пометы — *славянское*, *книжно-славянское*, *церковно-славянское*. Точно так же для маркирования народно-разговорной лексики используются три пометы — *простое*, *просторечное*, *простонародное*. Среди жанрово-характеризующих помет, наряду с такими, как *риторическое*, *поэтическое*, *научное* используются и такие, как *канцелярское*, *фольклорное*, *приказное*, *дипломатическое*. То есть и в этом, жанрово-стилевом, аспекте Словарь XVIII в. — достойнейшее произведение лексикографии. Понятно, что стилевых помет нет в словарях одного памятника (Словаре «Слова о полку Игореве» и Словаре «Моления Даниила Заточника»), как и в словарях текстов одной разновидности (Словаре русской *народно-диалектной* речи в Сибири, Словаре воронежских памятников *деловой* письменности, Словаре *промысловой* лексики). Региональные исторические словари, которые описывают лексику памятников *разных* жанров, часто также не используют стилевые пометы (Псковский и Смоленский словари). В предисловии к Томскому словарю читаем: «Стилистические пометы отражают эмоционально-экспрессивную окраску слова, *очень редко* — *сферу употребления (народно-поэтическое)* и *еще реже* — *стилевую принадлежность слова (разговорное)*».⁵ Зато в Пермском словаре⁶ маркируется *отнесенность лексики к определенной понятийной сфере*, в этом словаре используются пометы *деловое* и *церковное* наряду с пометами, указывающими на профессиональные слова.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси относится к словарям «многоголосным». Источниками Словаря являются: 1) официально-деловые памятники (судебные кодексы, Уложение 1649 г., грамоты-указы, документы делопроизводства, отказные книги, таможенные книги, посольские статейные списки); 2) памятники частно-деловой письменности (духовные, купчие, порядные, кабальные и другие грамоты, челобитные, памятники вотчинно-поместной переписки); 3) семейная и дружеская переписка; 4) памятники, переведенные с европейских языков, в которых обозначились черты публицистического и научного стилей (Вести-Куранты, Назиратель); 5) русские повести XVII вв. (Повесть о Горе-Злочастии, Повесть о Фроле Скобееве, Повесть об азовском осадном сидении и др.); 6) русская демократическая сатира (Служба кабаку, Сказание о попе

Саве, Повесть о Карпе Сутулове и др.); 7) былины и исторические песни в записях и пересказах XVI–XVIII вв.; 8) пословицы XVII в.; 9) записи русской разговорной речи, сделанные иностранцами с помощью русских информантов и представленные в разговорниках и тематических словариках XVI–XVII вв.

Для расширения наблюдений над взаимодействием обиходно-разговорной лексики и лексики церковнославянского языка в круг источников были включены произведения разных жанров, в которых церковнославянская стихия преобладает над народно-разговорной: полемические сочинения Ивана Грозного, историческое повествование о Смуте А. Палицына, религиозно-нравственные наставления, содержащиеся в Домострое, и некоторые другие произведения.

Лексика и фразеология источников характеризуется в Словаре с точки зрения их принадлежности к определенным функционально-стилистическим пластам и в отношении эмоционально-экспрессивных коннотаций. Сосредоточим внимание на функционально-стилистической характеристике материала. Она осуществляется традиционными для лексикографии способами. Основной способ — расстановка функционально-стилистических помет. Вспомогательный — включение в толкования слов и выражений информации о сфере их использования.

В Словаре используются следующие функционально-стилистические пометы: дел. (деловое), книж.-церк. (книжно-церковное), высок.-офиц. (высокоофициальное) и флк. (фольклорное).

Их употребление в первых четырех выпусках Словаря (А–Г) представляет следующую картину. Начнем со статистики. Разумеется, что функционально-маркированная лексика (и фразеология) представлена неодинаково в разных выпусках Словаря. Однако в целом уже можно сделать самые общие наблюдения. На 5230 словарных статей интересующие нас пометы встречаются 1030 раз. И хотя маркируется достаточно часто не все слово целиком, а отдельное значение, или употребление, или фразеологическое сочетание внутри словарной статьи, в любом случае количество маркированных элементов достаточно велико. Это и понятно: все источники Словаря представляют собой жанрово закрепленные разновидности текстов, что неизбежно влечет за собой использование стилистически маркированной лексики. Помета *книж.-церк.* встречается около 600 раз, помета *дел.* 278 раз, помета *флк.* — 95 раз, помета *высок.-офиц.* — 53 раза.

Помета *книжно-церковное* в первых выпусках Словаря встречается чаще других стилистических помет. Это связано с тем, что церковно-книжная лексика занимает очень важное место в словаре русского литературного языка с самого начала его существования. Помета *книжно-церковное* выделяет лексику и фразеологию церковнославянского языка, которая отличается эмоциональной окраской и принадлежностью к письменной форме языка. Тематически эта лексика и фразеология обычно связаны с кругом понятий христианской религии, православия. (Например, встречаются такие библейские выражения, как *агнец божий*, *адамский грех*, *царствие божие*, *всеплодная жертва*.)

По происхождению здесь много греческих лексем (*авва* духовный наставник, *агарене* мусульмане, *аер* небо, *аккос*, *аксапсалом* церковные песнопения, *аллилуйя*, *антипасха*, *антифон*, *архистратиг*); собственно южнославянских слов (*алкать*, *биение*, *благо*, *вещать*, *влачить*, *враг*, *вран*, *врата*, *возгласить*, *восклатать*, *восхищенье*, *голодный*).

Известно, что старославянизмы имеют ряд морфологических особенностей. Так, например, в Словаре нам встретилось более 100 лексем с префиксом *воз-* / *вос-*, маркированных как книжно-церковные (*возвещать, возгласить, возгнущение, воздаяние, воздремать, воззрение, возлюбить, возмездие, вознестись, возопить, воскласть, восписать, воспрять, воссиять, восстенать, вострубить* и др.).

Сложные слова — другая яркая особенность церковно-книжного языка. Так, наряду с именем сущ. *благо* и прилагательным *благой* в Словаре приводится более 50 их производных (*благоверный, благовестник, благовоительство, благодарованный, благоздравие, благонароचितый, благопоспешение, благохитрый, благочинно* и др.);

более 20 производных от слова *бог* (*боголюбец, боголюбивый, богоотступник, богоспасаемый, богохранимый*);

производные от прил. *велий* (то же, что *великий*): *велегласный, велелепый, велемудрый, велеречивый* — всего в гнезде 15 слов;

слов с первым корнем *велик-* / *велич-* в источниках зафиксировано 16 (*великомученик, великомудрый, великоможный, великолюбовный* и т. п.);

слов-композигов с первым компонентом *все-*, по большей части являющихся эпитетами Бога и Богородицы (*всемудрый, всемогущий, всеильный, всенепорочная, всечистая, всецарица*) — около 40.

Что касается распределения данной лексики по жанрам, то она встречается, разумеется, в текстах Ивана Грозного, Авраамия Палицына — авторов, тяготевших к использованию элементов церковнославянского языка, но не только. Слова с пометой *книж.-церк.* активно употребляются и в других, самых разных по жанру текстах:

1) в официально-деловых памятниках (*Южные таможенные книги, Разинские дела, Акты социально-экономической истории Руси, Русско-шведские экономические отношения, Книга переписная Псковского Печерского монастыря, Статейные списки послов, Акты Кунгурские, Акты писцового дела, Дела Тайного приказа* и др.): И чтобы промежу себя и в соседстве жити любовно... и не ябедничали, и на лжи не послушествовали и чюжого не возхищали. *Уложение 1649 г.*;

2) в памятниках частно-деловой письменности (*Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря, Акты хозяйства боярина Морозова* и др.): И над ихъ блгородными чады над гсдремъ црвичем над кнземъ Олексеем Михайловичем и над гсдрнею црвною и великою княжною Ириною Михайловною ... [Авдотья Ярышкина] никакова зла не умышляла и не порчивала и портит никому не вливала. *Московская деловая и бытовая письменность*;

3) в семейной и дружеской переписке (*Грамотки, Источники по истории русского народно-разговорного языка, Памятники русского народно-разговорного языка* и др.): И ты [Т. И. Голицына — В. В. Голицыну] свет мой воздаи ему [Ф. Павлову] честь и подари ево хорошенко. *Московская деловая и бытовая письменность*;

4) в памятниках, переведенных с европейских языков: Наши говорили чтоб коруна шведцкая некоторые места у Варяжского моря нашим поступилися а за то бы иное воздаяние приняли. *Вести-Куранты*;

5) в русских повестях XVII в. (*Сказание о крестьянском сыне, Повесть о Савве Грудцыне* и др.): Вознес его [турецкого султана] сатана гордостью до неба, опустит его за то Бог с высоты в бездну во веки. *Повесть об азовском осадном сидении*;

6) в русской демократической сатире: Величаем ты, кабаке веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велиш нам по миру скитаться. *Служба кабаку*;

7) в былинах и исторических песнях: Чуть ли выслушал глаголы сестры дуродных, и поскорешенько Никита снаряжается. *Исторические песни*;

8) в пословицах XVII в.: Всякое коренье примаи з благодареньемъ. *Симони, Пословицы* и многих других. Таким образом, мы видим, что лексика книжно-церковная употребляется в самых разных текстах, в том числе и в деловых, и в художественных.

Деловые документы представлены в Словаре большой группой памятников. Это сборники актов, судебники, отказные книги, писцовые книги, различные грамоты — по объему более половины всех текстов, послуживших источниками Словаря. Помета *дел.* отмечает слова и выражения, которые относятся к управлению страной и ее хозяйством, представляют собой административно-юридическую терминологию, характеризуют взаимоотношения человека и государства, называют документы, составленные правительственными учреждениями и частными лицами. Этой пометой выделяются также устойчивые словосочетания, образующие формуляр (обязательный набор клишированных выражений, формул) деловых текстов.

Среди деловой лексики много специализированных наречий (*безволокитно, безвыводно, безвыкупно, безвытно, безданно, безденежно, безоброчно, безобходно, безгъявочно, бескабально, беспенно, беспереводно, бесповоротно, беспошлинно* и т. д.). Все эти и многие другие наречия однозначны и употребляются исключительно в деловых текстах.

У многозначных имен существительных, прилагательных и глаголов основные значения могут быть стилистически нейтральными, тогда как производные маркируются пометой *деловое*. (Деловыми являются *безделье 5, бесчестье 2, вера 6, взятки 3; бездельный 2–4, ведомый 4–5, верный 3; быть 4, вершить 3–4, вести 3–4, въезжать 2–3, выимать 4, 7, выписать 2–4*.) Но есть и исключительно «деловые» сущ. (*ведом, ведомость* во всех четырех значениях, *вершенье 1–2, вопрос, вспуды, выкуп 1–3, выть 1–4* и др.), прилагательные (*бескабальный, бескрепостной, бестяглый*) и глаголы (*верстать 1–3, верстаться 1–3, вступаться 1–3, выискаться 1–3* и др.). Например, у сущ. *безделье* выявлены значения: 1 — праздность, 2 — пустяки, 3 — вымысел, 4 — что-л. неподобающее; и только 5-е значение — деловое: *незаконные, недозволенные поступки*: И я, иноземець, шлюся на весь Псковъ, что мой малецъ такимъ бездельемъ [лазутчеством] не промышляетъ, а ездитъ для торговли болши 5 летъ. *Псковские писцовые книги II*.

У глагола *говорить* только 11-е значение имеет помету *дел.*, но зато это значение («давать показания в суде») очень частотно в памятниках деловой письменности, как в свободном, так и в связанных употреблениях (*говорить в распросе (на очной ставке, с очей на очи, с пытки), говорить государевым словом, говорить в государевом деле*).

Деловым текстам свойственна формульность. Это явление подробно описано в монографии С. С. Волкова «Стилевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных)»⁷ и в монографии Е. И. Зиновьевой «Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков»⁸. В источниках Словаря в большом количестве встречаются формулы разных документов. Так, например, формула зачина грамот (*се аз*); формула челобитных (*бить челом*), зачастую с распространителем (*бить челом и плакаться, бить челом и являть, бить челом и извещать*). Такое же расширение встречаем у делового сочетания *в бою* (*в бою и в бесчестье, в увечье, в грабеже*).

Устойчивые эпитеты — одна из ярких особенностей делового стиля. Как правило, эпитеты относятся к номинациям самих авторов челобитных и носят уничижительную окраску. Типичный эпитет просителя — *бедный*, который часто сочетается с другими (*бедный и беспомощный, бедный и беззаступный, бедный и разоренный*).

Другие устойчивые формулы деловых текстов: *наги и босы, холоп ваш, безоборочно и безданно, бессудная не в бессудную, в воду посадить (сажать, посадить, всадить), в воду бросить (вкинуть, метать (пометать)), скуден, беден и голоден, гол и голоден, голоден и холоден, умереть (помирать) голодной (нужной, студеной) смертью, поморить (переморить, уморить) голодной смертью*.

Некоторые лексемы очень частотны в деловых текстах, как в свободных, так и в связанных значениях. Например, сущ. *ведом* встречается исключительно в деловых памятниках, означает *сведения, известие о чем-л.* и имеет целый ряд устойчивых сочетаний: *подлинный ведом, быть в ведомо, учинить в ведомо, ведомом ведать, для (подлинного) ведома, с ведома, слух и ведом*.

Иногда бывает, что слово, стилистически не маркированное, в устойчивых формулах имеет исключительно деловое употребление. Например, существительное *воровство* «нарушение закона, уголовное преступление» выступает в следующих устойчивых формулах деловых документов: *воровством воровать, никаким (никоторым) воровством не воровать (воровывать, промышлять), никакова воровства не воровать (иметь), ни к какому воровству не приставать*.

Исключительно деловое бытование имеют составные наименования разных документов, например, *выписи* (*выпись дозорная, выпись оброчная, выпись отводная, выпись отдельная, выпись писцовая, выпись поручная, выпись праведная, выпись раздельная, выпись таможенная*) и грамоты (с теми же и с другими определениями).

Таким образом, мы видим, что слова и устойчивые сочетания деловой письменности весьма характерны для источников Словаря. При этом тексты, в которых встречаются упомянутые элементы, могут быть как деловыми, так и относиться к другим жанровым разновидностям древнерусской письменности — к письменности бытовой и даже к художественным текстам (среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры). Сборниками исключительно деловых текстов являются: *Акты Соловецкого монастыря, Слово и дело государевы, Разинские дела, Акты исторические, Акты Московского государства, Русско-шведские экономические отношения, Акты Кунгурские, Столбцы печатного приказа, Акты о земских торговых делах, Акты писцового дела, Акты*

о посадских людях, Акты хозяйства боярина Морозова, Акты юридические, Южные челобитные, Судебник, Нижегородские документы, Шумаков, Акты официальные, Акты местного управления, Акты феодального землевладения и хозяйства, Псковские писцовые книги, Уложение 1649 года и многие другие; тогда как следующие источники, в которых встречается деловая лексика, не относятся исключительно к деловой письменности: *Московская письменность, Источники по истории русского народно-разговорного языка, Грамотки, Московская деловая и бытовая письменность, Памятники русского народно-разговорного языка* (это сборники бытовой письменности), либо и вовсе тексты художественные, среди которых преобладают памятники русской демократической сатиры (*Азбука о голом и небогатом, Повесть о Ерше Ершовиче, Повесть о куре и лисице, Повесть о Горе-Злочастии*), но есть и несатирические произведения (*Повесть об азовском осадном сидении*). Использование деловой лексики и фразеологии в сатирических текстах объясняется тем, что данные тексты носят пародийный характер и активно употребляют элементы тех жанров, которые пародируются. Что касается включения деловых лексем в художественные тексты, то таких совсем немного, и они объясняются широким распространением «деловых» значений употребляемых единиц в языке того времени (так, в Повести об азовском ратном сидении используются такие закрепленные за деловыми текстами лексемы, как *выкуп, голова* в значении «военачальник»).

Специально-фольклорной лексики и фразеологии в Словаре не очень много вследствие того, что фольклорные тексты составляют незначительную часть источников (былины, исторические песни, заговоры) — всего 5 сборников из 300. Помета *флк.* не ставится при многочисленных пословицах (сборник Симони и нек. др.).

Помета *флк.* сопровождает отдельные имена существительные, прилагательные и глаголы (реже наречия), а также устойчивые сочетания, традиционно употреблявшиеся в произведениях устного народного творчества (*богатырь, бравый, браный, богатырский, вальящетый, вполъяна, вполсыта, вымолвить, брат* в значении «жениться»). При этом имена существительные, как правило, содержат уменьшительно-ласкательный суффикс (*бережок, брателко, бываньице, весточка, ветерочек, водушка, возморьеце, воскресеньице, головушка, гусюшки*); в зависимости от семантики слова подобные суффиксы могут придавать лексеме и другую окраску, например уничижительную (*грешничек*). Из фольклорно-маркированных прилагательных многие являются составными (*белобраный, белодубовый, белокаменный, белохрущатый, воскояровый*), другие содержат, как и существительные, уменьшительно-ласкательные суффиксы (*вязовенький*). Для глаголов характерно употребление двупривставочных (*взасиять, воспроговорить*), с префиксом *вос-* / *вс-* (*вскликать, вскликнуть, воплакать, воспокаяться, воспокоиться, воссиять, вострубить*), с суффиксом *-ыва* / *-ива-* (*вылетывать, выпархивать*). Ну и, конечно, традиционно фольклорными являются устойчивые сочетания (*лебедь белая, братец родимый, буйная головушка, зелено вино, черный ворон, горячие слезы, славный град, гробовая доска, гой еси, глагольные слово выговорить, слово вымолвить, думушку гадать, говорит таково слово, вскричать громким голосом*), употребление традиционных эпитетов (*беда неминучая, руки белые, лицо белое, быстрая река, вода мертвая*

и живая, вольный свет, сабля вострая, высота поднебесная, горюч камень), сочетания слов с близким значением (*дани-выходы, глядючись-смотрючись, выходит-выступает*). Абсолютное большинство слов и сочетаний, маркированных пометой *флк.*, не употребляется в текстах других жанров.

Наконец, помета *высок.-офиц.* выделяет лексику преимущественно книжного употребления, по структуре часто принадлежащую к категории сложных слов. Но в отличие от книжно-церковной лексики эти слова применяются для возвеличивания светских лиц (царя, монархов других стран), центральных государственных учреждений и почтительного именованя их в официальных посланиях, договорах и других документах. Помета введена в оборот составителями Словаря Московской Руси для разграничения книжно-церковного и официального пластов лексики. Этой пометой сопровождаются такие лексемы, как:

ВЫСОКИЙ 5. *Превосходящий других по своему положению в обществе или происхождению; обладающий значительной властью.* > (Государская) высокая рука (десница). *Могущественная сила, сильная верховная власть.* Ево [русского царя] государською высокою рукою оборонью оборонил нас [казаков] Бог от таких великих турецких сил. *Повесть об азовском осадном сидении.*

ВЫСОКОДЕРЖАВНЫЙ. *Относящийся к могущественному, обладающему большой властью лицу.* Явите, государи, къ намъ свое высокодержавное милосердие. *Дополнения к Актам историческим.*

А также:

ВЫСОКОДОБРОРОДНЫЙ. *Имеющий знатное происхождение.*
ВЫСОКОДОСТОЙНЕЙШИЙ. *В высшей степени уважаемый, почтенный.* – В титуле.
ВЫСОКОКНЯЖЕСТВЕННЫЙ. *Принадлежащий к знатному роду, имеющий один из высших дворянских титулов.* – В титуле.
ВЫСОКОЛЮБИТЕЛЬНЫЙ. *Расположенный в чью-л. пользу, милостивый к кому-л.*
ВЫСОКОМЕСТНЫЙ. *Обладающий царским престолом.*
ВЫСОКОМОЖНЫЙ. *Могущественный, облеченный значительными полномочиями.*
ВЫСОКОПОЧТЕННЫЙ. *Пользующийся особым уважением.* – В титуле.
ВЫСОКОРОЖДЕННЫЙ. *Имеющий высокое происхождение, происходящий из знатного рода.* – Эпитет монарха.

Помета *высок.* и первый корень приведенных сложных слов, отмеченных ей (11), — один и тот же. Это только часть лексики с данной пометой, но очень показательная. В основном приведены эпитеты царей и европейских правителей. Композитам с элементами *больше-, велико-, высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. было посвящено исследование Е. В. Генераловой⁹.

Чаще всего пометой *высок.-офиц.* сопровождаются, как это видно из приведенных примеров, имена прилагательные — характеризующая лексика. Есть также наречия (*всечасно*) и имена сущ. (*град, государь, государство* «царствование, правление», *голова, высочество, високоумство* «мудрость, ум», *высокость* «то же, что высочество 2», *высокоможство* «могущество»), отдельные глаголы (*государствовать* «царствовать, управлять страной, государством», *вручить* 3. «вверяясь, отдать себя в чью-л. власть») и даже местоимения (*вы* — в значении личного местоимения 2 л. ед. ч. *Вашего* царского величества подданного меретинского Арчила царя присланной архимандрит Макарий да дьякон Никон и дворяне вам, великому государю [Федору Алексеевичу], челом ударили. *Русско-грузинские отношения*).

Как уже было сказано, сложных слов с первым корнем *все-* в материалах Словаря довольно много, и около 40 из них сопровождаются в тексте Словаря пометой *книжно-церковное*. В то же время еще около 10 лексем такой же структуры отмечены как *высоко-официальные*. Несомненно, что композиты — принадлежность церковнославянского языка, и слова *высоко-официальные* также являются книжными словами. Следовательно, помета *высоко-официальное* указывает не на происхождение слов, а на их функционирование в текстах.

При этом некоторые слова совмещают при разных значениях обе пометы:

ВСЕМИЛОСТИВЫЙ, *прил. книж.-церк. и высок.-офиц.* Щедро оказывающий милости. — Эпитет Бога, Богородицы. ... — Эпитет монархов.

Возможно совмещение между собой и других помет, также вызванное соприкосновением сфер бытования лексики:

ГОСУДАРЬ — *дел. и высок.-офиц.* Титул или в составе титула как обязательное этикетное именование монарха.

С то л ь н ы й г р а д. То же, что царствующий и град. *высок.-офиц. и флк.*

ВОССИЯТЬ, *сов. (9) книж.-церк. и флк.* 1. О солнце. Начать сверкать, засиять.

ВОСТРУБИТЬ, *сов. (7) книж.-церк. и флк.* Издать звук, затрубить, сообщая о чем-л.

Таким образом, мы видим, что стилистически маркированная лексика отчасти может быть довольно жестко закреплена за определенной жанровой разновидностью текстов (как лексика фольклорная и высоко-официальная), а отчасти может довольно свободно встречаться и в других текстах (что относится к лексике деловой и церковно-книжной). Так, церковно-книжная лексика очень активно осваивается деловыми текстами и текстами демократической литературы, что вызывает ее нейтрализацию, своего рода обмирщение, обусловленные органическим включением в обиходно-бытовой язык. Именно такие стилевые переходы Б. А. Ларин отмечал как новые для языка XVII в.

Функционально-стилистические пометы в Словаре обиходного языка показывают внимательному читателю, с одной стороны, как закреплена та или иная лексика за теми или иными жанровыми разновидностями текстов, а с другой стороны, как происходит взаимовлияние (и взаимообогащение) на лексическом уровне между разными стилями.

Думается, что это взаимовлияние, стилистическое взаимопроникновение, было совершенно очевидно для носителей языка, живших в XVI–XVII вв., которые понимали изначальную стилевую принадлежность и деловой, и церковно-книжной лексики. Современному читателю проследить эту стилевую динамику речи помогает использование помет в Словаре.

Примечания

¹ Ларин Б. А. Проект Древнерусского словаря (Вводная заметка) // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 595.

² Там же. С. 598.

³ Там же. С. 599.

⁴ Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Б. А. Ларин. Филологическое наследие. СПб., 2003. С. 656.

⁵ Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002. С. 8.

⁶ Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.

⁷ Волков С. С. Стилиевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных). СПб., 2006.

⁸ Зиновьева Е. И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков. СПб., 2000.

⁹ Генералова Е. В. Композиты с элементами *больше-*, *велико-*, *высоко-* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Русское слово в историческом развитии. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции. СПб., 2007. С. 23–31.

Е. В. Сенько

СМЕНА ПАРАДИГМ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

«Если говорить об обогащении словарного состава, — писал Б. А. Ларин, — то на первом плане всегда были также внеязыковые факторы — появление новых идей, вещей и т. д.; язык не есть мертвая система, а напротив, одно из явлений многообразной жизни»¹. Система взглядов Б. А. Ларина способствовала будущему